

потому что никто не был так умудрен опытом или так богат, чтобы видеть или владеть такой драгоценностью. Сведущие люди утверждали, будто в этот платок было заткано восемь эйриров золота. Кьяртан был весел на празднестве, развлекал всех своей беседой и рассказывал о своих путешествиях. На людей произвело большое впечатление, что беседа велась здесь о больших делах, потому что Кьяртан в течение долгого времени был при дворе знаменитейшего хавдинга конунга Олава, сына Трюггви. Когда празднество кончилось, Кьяртан выбрал дорогие подарки для Гудмунда и Халля и для других знатных гостей. Отец и сын заслужили большую славу этим празднеством. Кьяртан и Хревна очень привязались друг к другу.

XLVI

Олав и Освивр оставались в дружбе, хотя между молодыми людьми дружба была порвана. Этим летом гости должны были приехать к Олаву за полмесяца до начала зимы. Освивр также созвал гостей на первые зимние ночи. Каждому было предложено захватить с собой столько людей, сколько он считал соответствующим его достоинству.

Освивр должен был сначала приехать на пир к Олаву, и в назначенное время он явился в Хьярдархольт. Вместе с ним поехали также Болли и Гудрун и сыновья Освивра. На другое утро, когда женщины вместе шли к дверям главного дома, одна из них спросила, как будут рассаживать женщин на скамьях. В то время как она это говорила, Гудрун проходила около постели, на которой обычно лежал Кьяртан. Кьяртан был тут же и одевался и набросил на себя пурпурное одеяние. Он сказал женщине, которая спросила, как будут рассаживать женщин, – потому что никто не умел отвечать быстрее, чем он:

– Хревна будет сидеть на почетном сиденье, и во всем ее будут чествовать больше всех, пока я жив.

Но до тех пор на почетном сиденье всегда сидела Гудрун, как в Хьярдархольте, так и во всех других домах. Гудрун услышала это, посмотрела на Кьяртана и изменилась в лице, но ничего не ответила.

На другой день Гудрун сказала Хревне, что та должна надеть подаренный ей головной платок и показать людям лучшую драгоценность, которую когда-либо привозили в Исландию. Кьяртан был поблизости, и хотя он не стоял рядом с ними, он слышал, что сказала Гудрун. Он ответил быстрее, чем Хревна:

– Она не наденет на этом празднестве свой платок, потому что мне кажется более важным, чтобы Хревна владела этой драгоценностью, нежели чтобы гостям было чем любоваться.

Целую неделю должно было длиться празднество у Олава. На другой день Гудрун стала тайно просить Хревну, чтобы она показала ей платок. Та ответила, что покажет. На следующий день Хревна пошла вместе с ней в кладовую, где хранились драгоценности. Она открыла ларь и вынула оттуда бархатный мешок, а из мешка вынула платок и показала его Гудрун. Та развернула платок, некоторое время глядела на него и не сказала ничего, ни хорошего, ни дурного. Затем Хревна снова спрятала платок, и они вернулись обратно к своим местам. После этого веселье и забавы пошли своим чередом.

На следующий день, когда приглашенные должны были уезжать, Кьяртан был очень занят тем, чтобы обеспечить людям свежих коней – тем, кто прибыл издалека, – и каждого должным образом снабдить в путь. В то время, как Кьяртан был занят этим, у него не было при себе меча, подарка конунга, хотя вообще он не привык выпускать его из рук. Затем он пошел к своей постели, где он оставил свой меч, но меч исчез. Он сейчас же пошел к своему отцу и рассказал ему об этой пропаже. Олав сказал:

– В этом случае мы должны действовать в величайшей тайне. Я пошлю соглядатаев с каждым отрядом всадников, которые будут уезжать.

Так он и сделал. Ан Белый должен был ехать с Освивром и его людьми и следить, не свернет ли кто-либо из них с дороги и не отстанет ли. Они проехали вглубь страны мимо двора Льярскогар и мимо дворов, которые называются Скогар (Леса), и остановились там в лесу и спешили. Торольв, сын Освивра, отошел в сторону от дворов, и несколько человек вместе с ним. Они углубились в кустарник, в то время как другие оставались около леса.

Ан проводил их до реки Лаксы, которая вытекает из долины Селингсдаль, и сказал, что хочет повернуть обратно. Торольв ответил, что было бы еще лучше, если бы он совсем не ездил. В эту ночь